

ТЕМА ПРАЗДНИКА В ФИНСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ

Самобытность любой национальной культуры неразрывно связана с праздниками, старинными ритуалами и обычаями. Религиозный и светский календари страны Суоми дают глубокое представление о жизни народа, о своеобразии его мифологии, фольклора и обрядов. У финнов, как и у других народов Европы, зимнее и летнее солнцестояние были древнейшими и самыми главными из календарных праздников, магическая суть которых не исчезла с принятием христианства. Лето и зима противостоят друг другу как день и ночь. Переключка этих времен года нередко отражается в компоновке песен. Например, «Рождественская песня» и «Финское лето» С. Палмгрена составляют opus 34.

Образование самостоятельного финского государства сопровождалось возникновением новых светских праздников, которые также стали всенародными. Это День Микаэля Агриколы, или День финского языка, который отмечается 9 апреля. Великому финскому просветителю Микаэлю Агриколе принадлежит заслуга создания письменного финского языка. В 1542 г. вышла первая финская книга-букварь «ABC-kiirja». В 1548 г. Агрикола перевел Новый Завет, в предисловии к которому он писал: «Язык моего народа существовал всегда, своей заслугой я считаю лишь перенесение его на бумагу». 9 апреля в Финляндии поднимается государственный флаг. Другой известный светский праздник — это день рождения (6 июля) самого почитаемого финского поэта-лирика Эйно Лейно (1878–1926), празднуемый в Финляндии как День лета и поэзии. В контексте развития финской национальной культуры оба названных праздника особенно важны, так как на протяжении многих веков финский язык в своей стране считался языком простолюдинов, на котором невозможно выразить все оттенки чувств. Официальный статус государственного языка финский получил лишь при Александре II, в 1863 г. Значение для финнов поэзии Лейно сопоставимо с той ролью, которую в развитии русского литературного языка сыграла поэзия А. Пушкина. Развитие финской камерно-вокальной музыки XX в. протекало в тесном союзе с поэзией Лейно, составившей основу десятков песен и романсов.

Все праздники финского народа нашли претворение в профессиональном композиторском творчестве. Особенно обширными стали антоло-

гии песен, посвященных Рождеству («Рождественская песнь Сильвии» К. Коллана, «Рождественское приветствие» Ф. Крона, «Рождественские колокола» А. Маасало, «В Рождество» и «Воробышек рождественским утром» О. Котилайнена, «Пять рождественских песен» Я. Сибелиуса, «Рождественская песня» С. Палмгрена, «Будни трудные забудем» Л. Мадетойя и многие другие) и Иванову дню («Иванов день», «Трава Иванова дня», «Мечта Иванова дня» Л. Иконена, «Иванов день», «Девушка гадает обвязкой в ночь перед Ивановым днем», «Танец середины лета» С. Палмгрена, «Песня Иванова дня», «Ночь Иванова дня» Х. Каски, «Песня Иванова дня» С. Ранта, «Свет Иванова дня», «Иванов день», «Ночь на Иванов день» С. Нумми, «Ночь Иванова дня» В. Песола, цикл «Ночь Иванова дня» А. Соннинена).

Рождество в Финляндии, как и во всем христианском мире, отмечается широко и торжественно. Но кроме религиозного начала финское Рождество знаменует и важнейшее природное событие — поворот к большей долготе дня, когда свет начинает побеждать тьму. Известно, что мрачный декабрь финны называют волчьим месяцем, так как состояние тоски ассоциируется с волчьим воем. Об этом, в частности, пишет финская писательница А. Каллас в своем рассказе «Невеста волка».

Лютеранская церковь началом Рождества считает первое из пяти воскресений, предшествующих ему (так называемый период Адвента), а кульминацией — сочельник, день накануне Рождества. В ритуал сочельника обязательно включается посещение сауны, которая очищает не только тело, но и душу. Финская пословица гласит: «в бане надо быть как в церкви», с благоговением. Банная церемония предусматривает определенное поведение человека: запрещается ругаться, клеветать, сплетничать и шуметь. Дым топящихся бань является существенным элементом деревенского пейзажа в рождественскую ночь. Встречать праздник полагается обильной и вкусной едой. В ноябре (в период «Малого Рождества») принято пить глинтвейн и есть Мартинова гуся. В сочельник кроме окорока или индюшки едят брюквенную, морковную и картофельную запеканки, а также «Сельдь стекольника», процесс приготовления которой занимает несколько дней. 25 декабря финны обычно посвящают благочестивым размышлениям, молитвам и выходят из дома только в церковь.

Весь рождественский период пронизан музыкой. Известно, что песни-легенды и баллады функционировали в ритуале религиозно-календарных праздников. Исполняются не только традиционные для протестантской

службы рождественские мессы, кантаты и оратории, но и песни¹ — от гимна М. Лютера «Небесный ангел» до песен Тапани. «“Песня Тапани” исполнялась на второй день Рождества (день святого Тапани) молодыми людьми, странствовавшими по деревне от дома к дому», — пишет Э. Карху². Наряду с обработками, аранжировками немецких и шведских рождественских гимнов в музыкальный быт праздника прочно вошли оригинальные сочинения финских композиторов. Тексты этих песен, как правило, более разнообразны, часто содержат пейзажный зачин с картиной зимы: «Снега, сугробы высокие, / И солнце редко восходит, / Трещат морозы жестокие, / Но блещут звезды далекие, / И Рождество к нам приходит! (перевод Э. Иоффе). Финская рождественская песня может звучать и как патриотическая ода. В песне К. Коллана «Рождественская песнь Сильвии»³ на слова С. Топелиуса противопоставление Севера («На Севере милом сейчас Рождество <...> Там свечи горят и кругом торжество за праздничным щедрым столом») и далекого роскошного Юга («А здесь круглый год зеленеет весна <...> и, в море играя, смеется волна в сиянии дня золотом. Здесь Этна искрится у края небес, струит аромат кипарисовый лес, и розы купаются в жарких лучах и сладкою негой здесь песни звучат») завершается клятвой верности стране Суоми: «Прекрасна земля, где золотая весна, но сердцу милее родная страна. О ней буду петь до последнего дня, пока бьется сердце в груди у меня».

Кроме серьезных «взрослых» текстов в рождественском репертуаре встречается немало произведений, адресованных детям, которые не просто поются, но и разыгрываются. Такова, например, песня П. Ханникайнена «Беличье гнездо». Детские рождественские песни изобилуют изобразительными моментами, импульс которым дает стихотворный текст. Это может быть упоминание церковных колоколов и звона колокольчиков на санных повозках, звучания работающих ножниц (клип, клип, клип), топота гномов (тип-тап, тип-тап). Начало песни Р. Раала «В рождественскую церковь» (слова И. Хеллен) воссоздает бой часов с конкретным временем (пять часов), когда надо садиться в сани и ехать в церковь. Семь куплетов песни изобилуют финскими именами: Юхани, Лииси, Тааветти, Тиина, Миина, сама типичность которых выступает здесь в функции обобщения и представляет собирательный образ финского народа. Вместе с тем детские рождественские песни повествуют не только о нарядной елке, подарках и танцующих гномах. Они затрагивают такие серьезные темы, как милосердие, память об умерших родных. Именно эта семантика объясняет появление тональнос-

ти с-moll в песне О. Котилайнена «Воробышек рождественским утром» на слова С. Топелиуса.

Множество финских рождественских песен адресовано музыкантам-любителям, исполняющим их в кругу своей семьи и друзей. Большинство таких сочинений близко хоралу, имеют небольшой объем (например, рождественская песня Сибелиуса «Снега, сугробы высокие» не превышает 10 тактов), ясно очерченную мелодию, удобный певческий регистр, простую фактуру аккомпанемента, нередко дублирующую вокальную строку. Характерной чертой песен является многострофность текстов (вполне обычными являются 4–5 строф), причем какой-либо строке отводится функция рефрена. Все это позволяет присоединяться к исполнению песни тем, кто слышит ее впервые.

Однако в финской камерно-вокальной музыке есть сочинения, в которых лаконичная простота имеет совсем иную эстетическую основу, не связанную с предназначенностью сочинения музыкантам-любителям. Песня Э. Раутаваары «Гимн Рождеству — Гимн жизни» (слова К. Лоунасхеймо) завершает его вокальный цикл «Святые праздники» (1953, 2-я ред. 1992), в котором охватываются и другие важнейшие события церковного года — Великая Страстная Пятница, Сретение Господне. Стихи первой, третьей и четвертой песен принадлежат перу К. Лоунасхеймо, вторая песня написана на слова А. Хеллаакоски. Текст песен Лоунасхеймо чрезвычайно близок евангельскому повествованию. Страдания распятого Христа описаны так подробно, как это свойственно лишь жанру пассионов: «Они проклинали Тебя, Тебя, благословенного, они глубоко изранили Твое сердце, они издевались над угнетенным и смеялись, когда текли Твои слезы, они вдавили в Твою голову терновый венок, усеянный шипами. Они поносили Тебя в последнюю минуту Твою, но уст своих Ты не открывал, Агнец. Так одинок остался Ты, Ты, Сын Человеческий». В трех песнях фонический облик вертикальных образований в цикле характеризуется устойчивой ориентацией на диссонантность, представленную разными уровнями плотности, заостренности и яркости звучания. Строгая диатоника рождественского напева, модальная природа сопровождающих голосов (миксолидийский и лидийский лады), обилие квинтовых параллелизмов роднят эту музыку с гимнами раннего христианства.

Иванов день, или Юханнус, отмечаемый в субботу, между 20 и 26 июня, уходит своими корнями к языческим традициям и ассоциируется с обрядами, призванными обеспечить богатый урожай, удачное замужество или

женитьбу. Летнее солнцестояние совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Крестителя. Финны верят, что самая короткая ночь в году таит в себе волшебство. На Иванов день у девушек появляется возможность приворожить жениха. Для этого нужно поваляться обнаженной на поле, которое принадлежит понравившемуся молодому человеку. Названная процедура могла заменяться троекратным пробегом вокруг поля. Осенью, когда желаемый юноша будет вкушать хлеб из зерна того самого поля, в его сердце должна вспыхнуть любовь к той, что так старалась в ночь на Юханнус. В эту волшебную ночь молодые люди также могут понять, кто более всего подходит им в жены. Для этого необходимо забраться на камень, окруженный со всех сторон водой, или залезть на крышу трижды перестроенного дома. Облик прекрасной девушки обязательно посетит будущего жениха. Молодые люди могут кидать в родник через кольцо булавки. После девятой нужно посмотреть через кольцо в воду, и там появится лицо невесты.

По народным поверьям, в ночь на Юханнус можно загадывать желания. Девушки собирают букет из семи (по другим источникам — девяти или тринадцати) полевых цветов и кладут его под подушку, чтобы увидеть во сне своего суженого. Если дать каждому цветку имя, а утром посмотреть, какой из них самый свежий и непримятый, то будет известен не только внешний вид жениха, но и его имя. Другой способ увидеть жениха во сне — это снять с левой ноги носок, вывернуть его наизнанку, положить внутрь медную монетку, натянуть носок на левую ногу и лечь спать. После данного действия с носком уже нельзя произносить ни звука. Болтливым предлагался другой метод: надо лечь спать в чистой одежде и положить под подушку Псалтырь.

В песне С. Палмгрена «Девушка гадает обвязкой в ночь перед Ивановым днем» весьма подробно описывается обряд обвязки молодых всходов шелковыми нитями разных цветов (красного, черного, зеленого). Если за ночь вырос зеленый стебель, символизирующий любовь, то сердце девушки ликовало.

Празднование Иванова дня сопровождается народными песнями, играми и традиционными забавами (постройкой костра, часто прямо на воде, купанием, катанием на лодке, баней с березовыми вениками)⁴. Вокруг костров водили хороводы, устраивали танцы, причем взрослые плясали отдельно от молодежи. Известно, что коллективные пляски с построением участников в круг возникли в глубокой древности. В крестьянской среде они были

тесно связаны с аграрной сущностью календарных празднеств. Круговые танцевальные фигуры восходили к культуре солнца. Обрядовые хороводы выполняли охранительные функции, так как в пределы магического круга не могли проникнуть злые духи. Кульминацией праздника становилось венчание свадебных пар. Кстати, кулинарное мастерство девушек — будущих хозяек — проверялось именно в Иванов день. Холостяки ходили из дома в дом, где жили потенциальные невесты, и пробовали приготовленный девушками домашний сыр и оладьи.

В песне Э. Марвиа «Середина лета» (это название выступает как синоним Иванова дня) бóльшая часть текста Вуорела направлена на описание расцветающей под солнцем природы, на осознание себя частицей природного универсума: «Ворота света открыты, день в ночи прячется, на холмы тропинки ведут, долины покоем дышат. Ветер спит на лугах, леса сном забылись, туман отдыхает на болотах, тихие лесные озера сверкают <...> Создатель улыбается всему, время стоит на месте». Музыкальное воплощение стиха исполнено покоя. Струящиеся на динамике от *p* до *pppp* фигурации с неспешной сменой гармонической вертикали (главная тональность — *Desdur*) обрисовывают идиллическую картину.

Состояние восторженности в песнях Иванова дня часто изливается в патетических выражениях: «Пусть будет беззаботным мгновение! Почувствуй свое счастье, человек! Открой глаза, как цветок и новая трава, в дыхании утра пробуждение!» (С. Ранга, «Свет Иванова дня»). «Песня Иванова дня» Х. Каски также имеет своим жанровым прообразом гимн. В небольшом поэтическом тексте Х. Ялканена царит восторженность, что отражается в пяти восклицательных знаках: «Ты принесла весну, ты одарила меня полным счастьем, и я поверил в жизнь! Земля цвела, леса зеленели, и колосья в поле наливались <...> Так ярко и днем, и ночью — ты дала солнце! Твоими дождями я украшал свою голову, и сердце мое было полно радости! Работа была для меня как игра! Не пугает меня ночь в глухом лесу, не угрожает мне гнетущая тоска и бесполезное одиночество!» Тема радостного упоения жизнью воплощается Каски с помощью широкой пластичной мелодии, опирающейся на звуки мажорного трезвучия. Полнозвучие фортепианной партии усиливается в репризе простой трехчастной формы, так как именно она отмечена долгими арпеджированными аккордами, напоминающими звучание кантеле.

Большинство стихотворных текстов в песнях Иванова дня пронизано разнообразными шумами и звуками, сопровождающими массовое на-

родное гулянье: «Над островами поднимается дым, слышны голоса, шум пляски» (Э. Вуорела), «звонкая песня жаворонка раздавалась кругом» (Х. Ялканен), «зяблик в восторге щебечет» (Э. Ваара), «Звонит ли кто-то в колокол на берегу? <...> Играет ли кто-то знакомый мотив на флейте? Поет ли кто-то где-то? Плачет ли? <...> На берегу танцуют, играет гармошка Василия: хайтули-тиитули-тии», «Хо-хой, хо-хо, хо-хой! Лодка хохой! Весело уключины играют, можжевельник, потрескивая, превращается в золу» (В. Колийёнен).

В отличие от домашних, скромных по масштабу рождественских песен, часто исполняемых в семейном кругу, сочинения, посвященные Иванову дню, обычно несут на себе печать массового действия и эпической монументальности. Это ярко демонстрирует цикл «Ночь Иванова дня» А. Соннинена на слова В. Колийёнена, названия четырех частей которого («Таинственно», «Любимая вода», «Дым Эхтяюса»⁵, «Танцы») отражают эмоциональные и обрядовые стороны праздника — от мистического таинства до веселого танца. Произведение опирается на ритмику тяжело-торжественной поступи и характерные интонации таких первичных коллективных жанров, как марши, шествия, хороводы. Здесь затейливо переплетаются песенное и плясовое начала, инструментальные наигрыши и сигналы, возгласы, передающие энергию стихийных сил, шум многоликой толпы. В цикле действуют два персонажа — девушка Оути и парень Ондрей. Во второй песне цикла «Любимая вода» описывается известный обряд: «Среди созревших колосьев пробирается обнаженная красивая Оути, сок, исполненный любви, собирает в чашку». Все четыре песни отмечены глубоким единством музыкального языка. Например, две важнейшие его тональные сферы E-dur и A-dur объединили свои трезвучия в заключительном аккорде финала. Продолжительные цепи квартаккордов создают ощущение цельности и монолитности фактуры. Существенным элементом музыкального языка цикла выступает ладогармоническая красочность: целотоновый звукоряд, гулкая малосекундовая трель в басу, диссонирующие нетерцовые созвучия, отражающие пестрый поток людской толпы. Финальная часть цикла «Танцы» моделирует конкретный жанр — *полску*⁶. Финская полска (ее хореография строится на множестве прыжков и drobных движений ног) тесно связана со скрипичными наигрышами⁷, которые задавали танцу максимально быстрый темп. Характерная черта наигрыша — это комбинирование кратких мелодико-ритмических ячеек, часто с «топтанием» на одной высо-

те или с октавным переносом. В «Танцах» Соннинена стремительность движения (*Allegro vivace, Presto*) подчеркнута долгими «скрипичными» пассажами и глissандо, охватывающими широкий диапазон⁸. Таким образом», в песнях Иванова дня присутствуют все жанровые линии праздника — от гимна до танца.

Качественный рубеж, отделяющий вокальные сочинения XX в. от музыки предшествующего столетия, во многом связан с семантикой национальных праздников. Она заметно обновляет интонационный строй, расширяет круг жанровых источников, питающих творческую фантазию. Элемент новизны заключается не только в самом факте обращения к разнообразным праздничным темам, но и в методах использования поэтического материала. Очевидно, что все эти разнородные сочинения связывают некие общие корни, единое культурное сознание, основывающееся на равноправии и самоценности каждого календарного периода.

¹ Согласно Э. Иоффе, на финском языке опубликовано 2500 рождественских песен. См. предисловие к сб. «Рождества благая весть: финские рождественские песни» в переводах Элеоноры Иоффе. СПб., 1999. С. 4–6.

² Карху Э.Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX века. Л., 1979. С. 37.

³ Сильвия — латинское название черноголовой славки.

⁴ Строительство костров нередко становилось предметом соперничества, когда молодежь ревниво наблюдала за высотой пламени и временем горения чужого костра. Возведение костров обычно начиналось за две недели до праздника. Юноши сколачивали крестовины, подпирали их шестью, приносили бревна и ветки. Отдельно устраивался «женский» костер из веток. У костра проводили время до полуночи, а потом шли гадать.

⁵ Эхятюс — деревня в Восточной Карелии, славившаяся своими танцами.

⁶ Финские композиторы создали немало песен с названием «Полска» (это, например, обработка полски из второго альбома «Финских народных песен» Палмгрена, «Полска» А. фон Котена, «Рождественская полска» Л. Мадетойи на слова Л. Онерва, песня «Полска» О. Мериканто на слова Э. Юсефсона). Э. Ала-Кёни и В. Кокка полагают, что полска содержит целую систему ритуальных, бытовых танцев с двухдольной и трехдольной равномерно-акцентной метрической системой, исполнявшихся под скрипичные наигрыши. Изначально этот жанр складывался в Швеции, откуда распространялся по всей Скандинавии. Танец, сопровождавший весенне-летние и другие массовые праздники, представлял собой веселый марш, цепочки, переходы в хоровод, прыжки, разные геометрические рисунки. Часто цепочку возглавлял играю-

ший музыкант. См.: Ала-Кёйни Э. Финская полска // Кокка В. Генезис музыкальной формы инструментальных наигрышей полски в Финляндии: Дипломная работа. Петрозаводск, 1999. С. 104.

⁷ В финской фольклорной традиции игра на скрипке наделяется сверхъестественным происхождением. Согласно легенде, стать искусным скрипачом можно только около воды или на месте, окруженном ею. В ночь на Ивана Купала обучающийся игре должен встать на камень порога и призвать черта учить его. Напоследок, перед уходом черта, ученику следовало трижды сыграть чертову полску (*pirunpolkska*). Существовала опасность, что черт, уходя в водяной порог, мог утащить за собой музыканта. Чтобы этого не произошло, надо было особым образом завязать ремень на талии, дав ему оборваться. См.: Ала-Кёйни Э. Финская полска // Кокка В. Генезис музыкальной формы инструментальных наигрышей полски в Финляндии: Дипломная работа. Петрозаводск, 1999. С. 23.

⁸ Искусство двух скрипачей, «не попадающих в такт», обыгрывается в «Танце» («Кантелетар» № 15) Ю. Килпинена: хроматический пассаж, передающий звучание скрипки, дублируется в секунду.